

УСЛОВИЯ, МИНИМИЗИРУЮЩИЕ СЛУЧАИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ КРИМИНАЛИЗАЦИИ (ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ)

Бестаев Артур Олегович

Негосударственное образовательное частное учреждение высшего
образования «Московский финансово-промышленный университет
«Синергия», магистрант

Аннотация: в статье анализируются условия, при которых действия криминализации и декриминализации минимизируются.

Ключевые слова: Криминализация, декриминализация, наказание.

Принцип минимизации оценочных признаков при описании составов преступлений представляет собой «основополагающие требования, обеспечивающие законное, справедливое и последовательное использование оценочных признаков для выражения в уголовном законодательстве свойств криминализируемых деяний, а также условий наступления уголовной ответственности и уголовно-правовых последствий их совершения».

По мнению Е.В. Кобзевой, это связано с влиянием оценочных признаков на процесс правоприменения: «Выступая неординарным уголовно-правовым явлением, оно сопряжено с угрозой разнообразного и (или) противоречивого толкования последних, ... и, в конечном итоге, нарушения принципов законности, равенства граждан перед законом и справедливости».

В идеале правовая норма должна быть выражена максимально четко и полно. Именно поэтому законодателю необходимо избегать как недостаточности, так и избыточности ее выражения. В связи с невозможностью полного отказа от оценочных признаков, их использование в тексте уголовного закона должно стремиться к «предельно ограниченному законодательному употреблению», так как «излишние подробности в тексте

закона усложняют пользование им, и с точки зрения технической делают закон неудовлетворительным». Эта точка зрения разделяется другими авторами.

Максимальное количество оценочных признаков содержится в главе 22 (Преступления в сфере экономической деятельности) УК РФ. Активное применение оценочных признаков обусловлено, прежде всего, тем, что при стремительном переходе от плановой экономики с ее всеобъемлющим регулированием государством – к рыночной экономике у законодателя не существовало четкого понимания сущности формирующихся правоотношений.

Научные исследования того времени, в большинстве своем опиравшиеся на достижения советской уголовно-правовой науки, не могли оказать ему помощь.

Хотя Т.А. Лесниевски-Костарева в свое время отмечала то, что большинство судебных ошибок было связано именно с применением таких понятий, как «значительный ущерб», «крупный» и «особо крупный» размер, «ответственное должностное положение виновного». Все это не могло не сказаться на качестве статей главы 22 УК РФ.

Нами уже приводилась точка зрения Е.В. Кобзевой, считающей, что оценочные признаки составляют три группы: количественные, качественные и совокупные.

Наименее сложными для правоприменения являются количественные оценочные признаки, хотя законодатель постоянно уточняет их значение.

Рассмотрим изменение содержания такого оценочного понятия как «крупный размер» применительно к ст. 174 (Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем) УК РФ. В первоначальной редакции УК РФ крупный размер исчислялся в МРОТах (минимальном размере оплаты труда).

В примечании к ст. 158 (Кража) УК РФ размер крупного ущерба исчислялся в сумме, в пятьсот раз превышающий 1 МРОТ и распространялся

на статьи главы 22, за исключением ст. 171 (Незаконное предпринимательство), ст. 172 (Незаконная банковская деятельность) УК РФ, в которых размер крупного ущерба исчислялся в сумме, превышающей 200 МРОТ. На основании этого, по мнению М.А. Кауфмана, крупный ущерб в ст. 174 УК РФ определялся правоприменителем в различных суммах: от 200 до 500 МРОТ.

Диспозиция ст. 174 УК РФ в первоначальной редакции состояла практически полностью из оценочных понятий: «Совершение финансовых операций или других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенным заведомо незаконным путем, а равно использование указанных средств или иного имущества для осуществления предпринимательской или экономической деятельности – наказывается ...». Соответственно, случаи правильной квалификации уголовных дел по ст. 174 УК РФ, по данным М.А. Костровой на 2000 г. были единичными[1].

Только в 2003 г. были внесены изменения в диспозицию ст. 174 УК РФ.

Законодатель указал цель легализации, а, именно, придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом. Крупный размер в примечании к ст. 174 УК РФ стал определяться конкретной суммой, в 2003 г. – превышающей 1 млн рублей, в 2010 г. – 6 млн рублей, в 2013 – 1 млн 500 тыс. рублей.

Таким образом, работа законодателя над конкретизацией содержания оценочных понятий приводит не только к криминализации и декриминализации, но и ограничивает самостоятельное формулирование состава преступления правоприменителем, что оказывает существенное влияние на судебную практику.

Например, за 2003 г. по ст. 174 УК РФ было осуждено 11 человек[2], в 2013 г. – 26 человек, в 2014 г. – 22 человека[3].

Для разъяснения правоприменителю содержания качественных и совокупных оценочных признаков огромную помощь оказывают Постановления Пленумов Верховного Суда РФ. Однако остается множество

оценочных признаков, которые, по мнению ученых и правоприменителя, нуждаются в конкретизации. Для этого предлагаются различные варианты. Часть авторов предлагает создать в Общей части специальную главу для конкретизации оценочных признаков. Другие – считают, что конкретизация должна происходить в примечаниях к статьям Особенной части. Третьи – предложили создать официальное приложение к УК РФ, либо его самостоятельную часть.

В любом случае, уточнение содержания оценочных признаков, используемых в УК РФ, является одной из насущных проблем правоприменения.

Но уточнение содержания оценочных признаков связывается с реализацией еще одного дополнительного принципа – принципа соблюдения определенной и единой терминологии в УК РФ.

Правило употребления единой терминологии в УК РФ, из-за большого объема работы, мы рассмотрим только на примере употребления терминов, заимствованных из гражданского права.

Как уже отмечалось ранее, в связи с кардинальными переменами в жизни России, в частности, в экономике, статьи главы 22 УК РФ были сформулированы путем прямого заимствования терминов гражданского права. И наиболее ярким примером этого является употребление термина «сделка» в статьях главы 22 УК РФ. В них законодатель применил понятие «сделка» либо в качестве признака объективной стороны преступления, либо в качестве совершения деяния «в форме сделки» в ст. 179 (Принуждение к совершению сделки либо к отказу от ее совершения) УК РФ, либо его определения как «незаконной сделки» в ст. 174 (Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем) УК РФ.

По мнению А.Э. Жалинского: «Понятие заведомой незаконности как основание уголовной ответственности противоречит, например, ч. 1 ст. 162 ГК РФ, по которой несоблюдение простой письменной формы, а оно может

быть заведомым, т.е. известным третьему лицу, и незаконным, т.е. противоречащим требованиям ст. 161 ГК РФ о письменной форме сделки. Однако ст. 162 ГК РФ всего лишь не разрешает сторонам ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, но не лишает их права приводить письменные и другие доказательства и не влечет недействительности сделки».

Таким образом, ст. 162 ГК РФ не лишает права совершения последующих сделок с предметом сделки в случае, если сторонами было допущено несоблюдение простой письменной формы.

Также А.Э. Жалинский считает, что: «Юридическая конструкция “приобретение заведомо незаконным путем” трудно согласовывается с конструкцией неосновательного обогащения (ст. 8, гл. 60 ГК РФ). При этом особое значение могут иметь противоречивость или неодинаковое содержание заведомо незаконного пути и недобросовестности»⁴⁹⁶. Тем не менее, на основании ст. 174 УК РФ при несоблюдении простой письменной формы сделки, а также наступлении иных условий наступает перспектива уголовного преследования за отмыwanie денежных средств или иного имущества. «При этом надежда на здравый смысл правоприменителя, т.е. ограничительное толкование, не снимает проблему, ибо не дает гарантий от искажения действительных целей уголовного закона».

Совершение незаконного действия в форме «сделки» нам представляется неочевидным в ст. 170 (Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом), ст. 191 (Незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга) УК РФ, которые также содержат состав преступления в форме «незаконной сделки», и не существенным, как в ст. 185.1 (Злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах) УК РФ[4].

Применение понятия «сделка» при определении состава преступления неизбежно влечет за собой вопрос о допустимости признания понятия

«сделка» признаком объективной стороны преступления. С точки зрения уголовного права объективная сторона преступления состоит из виновно совершенного общественно опасного деяния, запрещенного УК РФ под угрозой наказания (ст. 14 УК РФ). Совмещение понятий «сделка» и «объективная сторона преступления» является ошибочным, так как в другой, гражданской отрасли права «сделка» является основанием для возникновения гражданско-правовых отношений.

Статьи УК РФ, предусматривающие уголовную ответственность за совершение «сделки» как признака объективной стороны преступления, связаны с использованием понятий и норм гражданского права. Но с помощью понятий гражданского права невозможно регулировать уголовно-правовые отношения, так как на основании ч. 2 ст. 3 ГК РФ гражданское законодательство состоит из Гражданского кодекса РФ и принятых в соответствии с ним Федеральных законов, регулирующих отношения участников гражданского права. Необходимо уточнение содержания понятия «сделка» как термина, используемого именно в уголовном праве, так как в соответствии со ст. 167 ГК РФ признание в судебном порядке сделок недействительными влечет для каждой из сторон обязанность возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности – возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге), или возместить его стоимость, если иные последствия сделки не предусмотрены законом. Таким образом, последствия совершения сделки, признанной недействительной в порядке гражданского судопроизводства никоим образом не означают ее незаконность, в том значении, в котором она применяется в УК РФ.

Для уточнения используемых в УК РФ понятий, заимствованных из других отраслей права, учеными предлагаются различные решения. Одни авторы считают, что необходимо дополнить ч. 8 ст. 3 (Гражданское законодательство и иные акты, содержащие нормы гражданского права) ГК

РФ, которая бы установила разрешение на иное истолкование и использование понятий гражданского права в других отраслях права, чем они оговорены в нормах гражданского права[5]. Несомненно, эта новация будет способствовать устранению противоречий для уяснения содержания понятий гражданского права, применяемых в уголовном праве.

Другие авторы, например, как А.Э. Жалинский, полагают, что при выявлении в деянии фактических признаков, выходящих «за пределы состава нарушения гражданского законодательства и содержащиеся в уголовном законе, его применение представляется несомненным. Проблема состоит в том, чтобы такого рода признаки были выражены в диспозиции уголовно-правовой нормы, что и является целью уголовного закона».

Еще одна группа авторов, например, как М.Б. Кострова, мнение которой нами разделяется, считают необходимым внесение в УК РФ отдельного раздела, специально посвященного разъяснению содержания отдельных применяемых понятий для их единообразного понимания. Со своей стороны законодатель в настоящее время старается разъяснять содержание используемых понятий в примечании к статьям УК РФ. Например, в примечаниях к ст. 173.1 (Незаконное образование, создание, реорганизация) юридического лица), ст. 173.2 (Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица) УК РФ разъясняются содержание понятий «подставное лицо», «документ удостоверяющий личность».

В приведенном выше примере рассматривался вопрос о несовместимости использования терминологии различных отраслей права. Заметим, что «уголовный закон охраняет, но не сужает конституционные права и свободы, которые устанавливаются и конкретизируются также в гражданском законодательстве. Охраняя же эти права, закон придает значение фактического состава – юридического факта, а затем состава преступления именно тем действиям (бездействию), которые образуют не исполнение, но общественно опасное нарушение гражданского

законодательства».

Однако возникают случаи, когда отсутствие разъяснения в УК РФ понятий, обозначающих один из видов юридических лиц, приводит к невозможности правильной квалификации общественно опасного деяния.

В 2009 г. в Российской Федерации появился новый вид юридических лиц, в доверительное управление которым передается имущество Российской Федерации – Государственная компания, как, например, «Российские автомобильные дороги».

Государственной компанией признается некоммерческая организация, не имеющая членства и созданная Российской Федерацией на основе имущественных взносов для оказания услуг и выполнения иных функций с использованием государственного имущества на основе доверительного управления.

Руководство в государственных компаниях осуществляется Советом директоров или Наблюдательным советом. Должностные лица Государственных компаний, помимо извлечения прибыли при использовании федеральной собственности, также получают прибыль из средств, самостоятельно заработанных государственной компанией.

Подобная форма частно-государственного партнерства существовала в Англии до 1980-х гг., но там от нее отказались из-за невозможности точного распределения доходов между государством и самой компанией. «Россия в XXI в. возродила не только подобные финансово-экономические чудища, но и пошла дальше по этому пути, придумав совершенно новый и никому еще непонятный феномен под названием государственная компания».

Основным недостатком Государственной компании, по мнению современных цивилистов, также является невозможность отдельного определения дохода государства от использования федерального имущества, переданного в доверительное управление и доходов самой государственной компании.

Должностные лица Государственных компаний при злоупотреблении

ими должностными полномочиями должны привлекаться к уголовной ответственности по ст. 201 (Злоупотребление полномочиями) УК РФ.

В п. 12 действующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»[6] указано, что если в результате злоупотребления полномочия лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации причинен вред исключительно коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, уголовное преследование осуществляется по заявлению руководителя данной организации или с его согласия (ст. 23 УПК РФ).

В случае причинения вреда интересам других организаций, например, некоммерческой организации, государственному или муниципальному предприятию, а также интересам граждан, общества или государства, уголовное преследование за злоупотребление полномочиями в коммерческой или иной организации осуществляется на общих основаниях, согласно примечанию 3 к ст. 201 УК РФ, утратившего силу в 2013 г.

Этим же Федеральным законом в ч. 2 ст. 20 УПК РФ законодатель исключил из перечня дел частного-публичного обвинения случаи, когда преступлением был причинен вред интересам Государственной корпорации, Государственной компании, или если предметом преступления явилось государственное или муниципальное имущество.

Таким образом, необходимо не только внести дополнения в примечание 1 к ст. 285 УК РФ, но и создать в УК РФ особый раздел, в котором бы разъяснялось содержание отдельных понятий, используемых в УК РФ, в том числе, и заимствованных из других отраслей права для их единообразного толкования и упрощения процесса квалификации преступлений.

После рассмотрения криминализации и декриминализации современного периода, как основных способов уголовной политики, с учетом

обязательных элементов уголовной политики, нами выделены законотворческая, оценочная, правоприменительная криминализация (декриминализация) и их типы.

Научно-концептуальный аспект является фундаментом для научного обоснования и законодательного закрепления основ уголовной политики, в том числе криминализации и декриминализации как основных способов уголовной политики. В настоящее время научно разработаны принципы уголовного права и уголовной политики, содержание которых при узком толковании понятия «уголовная политика» совпадает и принципы криминализации (декриминализации).

Современная практика криминализационных (декриминализационных) процессов обнаруживает многочисленные отступления законодателя от научно разработанных принципов уголовного права (уголовной политики) и принципов криминализации (декриминализации), что предопределяет низкую результативность их проведения.

Кроме научно разработанных принципов уголовного права (уголовной политики) и принципов криминализации (декриминализации) законодателю необходимо соблюдать дополнительные правила, оказывающие существенное влияние на уменьшение случаев правоприменительной криминализации (декриминализации). Это правило максимально полного раскрытия сути бланкетных диспозиций статей Особенной части УК РФ; правило минимизации оценочных признаков при описании составов преступлений и правило употребления единой терминологии в УК РФ.

Список литературы

1. Кострова М.А. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона // Уголовное право. 2001. № 4. С. 41.
2. Верховный Суд Российской Федерации. Бюллетень № 2 за 2015 год [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.vsrfr.ru](http://www.vsrfr.ru) (дата обращения: 02.04.2020)

3. Статистический отчет Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 2013 г., статистический отчет Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 2014 г.

4. Радошнова Н.В. Применение института «сделки» в УК РФ как инструмент криминализации деяния // Уголовный кодекс в развитии: сб. науч. статей / под ред. В.И. Тюнина. СПб., 2012. С. 85.

5. Жуйков В.М. [и др.] Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной технике: международная коллективная монография / вступ. статья В.Д. Зорькина; вступ. слово С.С. Алексеева. М., 2009. С. 148. Авторы главы – А.Г.Федотов, А.В. Рахмилович.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».